

# БИБЛИОГРАФІЯ

Michael Roberts. «The Modern Mind». (Faber and Faber, London).

Майкель Робертс — один из лучших английских критиков младшаго поколѣнія, тот, быть может, к голосу котораго всего охотнѣе прислушиваются писатели и особенно поэты этого поколѣнія, тот, кто наиболѣе способен связать скрытые импульсы их творчества с основными течениями в области философіи, науки, общественной жизни. По образованію он — естествовик, но в поэзіи это ему нисколько не мѣшает разбираться, так как он совершенно лишен тѣх предрасудков, что еще недавно воздвигали такую стѣну между литературой и искусством, с одной стороны, и естествознаніем, с другой, и благодаря которому в XIX вѣкѣ не было, кажется, ни одного выдающагося критика, чья образовательная база была бы естественно-научной. Его особая компетенція оказалась ему особенно полезной в тѣх вопросах, которые наиболѣе остро ставятся сейчас именно в английской литературѣ и касаются взаимоотношеній научной мысли и художественнаго творчества.

Вопросам этим как раз и посвящена его превосходная и своеобразно задуманная книга, подвергающая критическому разсмотрѣнію все развитіе английской мысли от Дэнса Скотта и Оккама до современных біологических доктрин и попыток возрожденія религіозной философіи. В основѣ этого разсмотрѣнія лежит один с большой мощью констатируемый автором факт: рѣзкій и все разрастающійся, по мѣрѣ приближенія к XIX вѣку, разлад между областью рационально-научнаго мышленія и областью религіи, искусства, интуитивной мысли, воображенія. По мнѣнію Робертса, разлад этот объясняется недостаточно ясным разграниченіем этих областей в отношеніи языка, которым пользуются их представители. Разграниченіе это намѣчалось в поздне-средневѣковом номинализмѣ, характеристика котораго получилась у Робертса весьма оригинальной и интересной; но затѣм было забыто, благодаря неоправданному реализму научной мысли, смѣшивавшей относительное с абсолютным и свои методы и схемы с усмотрѣніем объективной реальности вещей. Даже богословіе, споря с наукой, стало пользоваться тѣми же философски необоснованными приемами, какіе были в ходу в наукаѣ.

Трудно сказать, в какой мѣрѣ примѣняемый Робертсом метод дѣйствительно разрѣшает поставленную им проблему. Но поставлена она с большим искусством, с острым чувством всего того, что наиболѣе

лѣе способно нынѣ волновать молодые англійскіе умы. Книгу Робертса слѣдует прочесть всякому, кто интересуется духовной жизнью современной Англии.

В. В.

**E.-L. Guernier.** *Le Destin des Continents. — Trois continents. — Trois civilisations. — Trois destins.* — Félix Alcan, 1936.

Автор — экономист и геополитик, сторонник общности **еврафриканских** интересов: его *continent africain* — подобіе «евразійскаго мѣсторазвитія». За книгу «Африка — экспансія Европы» Гернье был увѣнчан французскою академіей Монтіоновскою преміей.

«Судьба континентов» невольно приводит на память Шпенглера и его «типологическое» описаніе различных культурных циклов. Сам Гернье, впрочем, предпочитает ссылаться и цитировать не Шпенглера, а Кайзерлинга. Французскій автор уступает своему нѣмецкому предтечѣ не в одном лишь литературном блескѣ; он и по существу еще менѣе Шпенглера убѣдителен: тѣм менѣе, чѣм каждый из «континентов» Гернье больше по объему каждаго из культурных циклов Шпенглера. Если и Шпенглер вынужден болѣе чѣм суммарно и произвольно характеризовать свои «культуры», то Гернье, для характеристики «судеб» своих трех, природою очерченных, «континентов», еще болѣе искусственно приписывает чѣлому то, что условно примѣнимо лишь в отношеніи к части.

В фактическом описаніи сущаго у Гернье можно найти немало цѣннаго, хотя и не оригинальнаго, а из вторых рук взятаго матеріала. Послѣвоенный экономическій хаос с устремленіем каждой страны к автаркіи, лишь усиливающей и расширяющей хаос до предѣлов всеобщности, — воспроизводится Гернье убѣдительно. Сомнѣнія и недоумѣнія начинаются там, гдѣ автор пробует суммарно характеризовать экономическіе системы (капитализм довоенный и послѣ войны) и психологическіе типы: «сѣверные кочевники» — германцы, «германо - еврейская» эмиграція, «латино - славянская» и т. д. Тут дѣло доходит до крупных несуразностей.

Оказывается, «еврейскій склад ума отлично уживается с германскою душою», ибо обѣ эти души — динамичны, паразитарны, склонны к кочевничеству и спекуляціи, боязливы и благоразумны. «Современный кочевник германо - еврей, эмигрировавъ и превратившись въ американца, остается проникнутый атактистическою склопностью к наживѣ, которая так хорошо объясняет движеніе эмигрантов в Соединенных Штатах на Дальній Запад». — «Двойная претензія, германца и еврея, считать именно себя избранным народом, объясняет, в частности, конфликт, возникшій между Гитлером и евреями на ограниченной территоріи Германіи, тогда как на огромных пространствах Соединенных Штатов это соперничество еще не успѣло обнаружиться». — Обезкровленной послѣ войны Европѣ предстояло стать объектом экспансіи паразитарной «германо - еврейской» Америки, ибо, обнаруживается неожиданно, это —